

Раздумья о будущем

Мишель Уэльбек «Покорность» (М., 2016 г.)

Всемирно известный писатель Мишель Уэльбек свою новую книгу (фр. издание 2015 г.), почти мгновенно переведённую на русский язык, в жанре антиутопии посвятил грядущей, по его мнению, судьбе Франции после президентских выборов 2022 года. По мысли Уэльбека на грядущих выборах 2017 года снова победит Олланд. Здесь он ошибся – Олланд отказался баллотироваться в президенты ещё раз. Но зато М. Уэльбек полностью прав, излагая, как «прокатят» Марин Ле Пен, против которой объединятся и так называемые «левые», и так называемые «правые» партии, демонстрирующие собой стабильность Евросоюза. Франция под угрозой нашествия арабов, – так думает автор романа «Покорность». Самое печальное, на его взгляд то, что вся так называемая европейская демократия идёт на поводу у арабов и исламистов. Само название романа «Покорность» – это перевод на русский язык слова «ислам». И вот что будет.

После того, как скovyрнут Марин Ле Пен (действие романа происходит в 1922 году), к власти придут мусульмане (а для Франции это опасность и сейчас), будут введены обязательные хиджабы, брюки и длинные юбки для женщин, а мужчин будут принимать на государственную службу только после обязательного принятия ислама. Вспомним в связи с этим «1984 год» Оруэлла, хотя сдвинута дата и Англию заменяет Франция. Но общий смысл такой же: вместо коммунизма шествует исламизм.

Герой романа профессор Франсуа, специализирующийся в исследовании творчества Гюисманса, после ссоры с женой уезжает на некоторое время на юг Франции. А в это время происходят коренные государственные изменения: все так называемые официальные партии Франции объединяются вокруг арабов, чтобы не дать Ле Пен

прийти к власти. В итоге к власти приходят исламисты. Вернувшись в Париж, Франсуа узнаёт, что в Сорбонне могут преподавать только люди, принявшие ислам. Сорбонна полностью финансируется Саудовской Аравией, а Оксфорд – Катаром. После колебаний француз Франсуа принимает ислам и только после этого возвращается в университет. Очевидна аллюзия с финалом романа Оруэлла «1984», в котором герой тоже смиряется с существующей структурой, хотя Оруэлл предвидел пришествие коммунизма, а теперь на повестке дня стоит агрессивный исламизм.

Юрий Баранов – человек эпохи

В отличие от невесёлых пророчеств М. Уэльбека наш отечественный писатель Юрий Баранов, автор трилогии «Русские хроники» (М., 2013 г.) и многих других книг обращается к нашему прошлому. В этот трёхтомник вошли повести и стихи автора разных лет: «Оскал истории»:

Кто сказал – история в архивах?
Гриф «секретно» тайну не спасёт.
Очевидцев, прежде молчаливых,
Говорить настанет свой черёд. (т. 2, с. 217).

Если кто-то подумает, что Ю. Баранов обличает сталинизм и вслед за современными демократами прославляет рыночную экономику, то глубоко ошибётся. Вот цитата из ещё одного стихотворения:

Видение гауляйтеру Хрущёву из далёкого будущего.

Осетрина под коньяк стала под горилку –
Щедро выставил ГУЛАГ блюда и бутылки.
Хватанул стакан Хрущёв – что-то замутилось,
Хряпнул вскорости ещё – странно засветилось.
То ли спьяну, то ль в бреду, в непривычном виде
В пятьдесят шестом году он себя увидел.
(...)

И придумали вдвоём так подать эпоху,
Чтобы лишь в тридцать седьмом становилось плохо.

(Т. 2, с. 231–232)

Читатель спросит, а с кем это «вдвоём» советовался Н.С. Хрущёв? Может быть, с «кровавым палачом» Лаврентием Бе-

рией? Или с Кагановичем, Молотовым? Нет. Ответ автора неожиданный: Хрущёв якобы советовался с неким партийным работником по имени Поспелов Пётр Николаевич (Фогельсон). Он является автором концепции борьбы с культом личности. По трудам этого якобы историка литературы, к слову, и я воспитывался в годы застоя.

Работа таких вот Поспеловых – Фогельсонов по мысли автора продолжается и дальше:

Песня для наркома.

Вариация на тему Михаила Светлова (Шейнкмана) «Он хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Вернее языка: Григорий Кац
Печатает беседы с ветераном.
Читает молодёжь и узнаёт,
Как Перельман боролся с произволом,
С ужасным зверством в сталинской ЧК,
Как он сражался с антисемитизмом
Все годы, что служил секретарём
В горкоме нашем: он туда был сослан
За «пятый пункт», а сам-то он хотел
Податься в токаря и слесаря
И скромно жить в общежитии при «Тяжмаше».
Но Сталин! Сталин жёстко приказал:
Вторым секретарём в горком, и баста!
Попробуй-ка послушаться в те годы. (там же, с. 276)

Это мне напоминает карьеру кинорежиссёра Марка Донского, четырежды лауреата Сталинской премии, который по словам его сына был «сослан» из Москвы в Киев на Киностудию им. Довженко в 1955 г. Какое горе! Миллионы людей сидели в концлагерях, а Марк Донской пребывал в «ссылке» режиссёром в Киеве! Вот что делал «злодей» Сталин!

Теперь поближе к современности:
Тут им¹ на стол поставил штоф горилки
Их общий родственник Мазепа и сказал:

¹ Им – это Хрущёву и Горбачёву – Г. М.

«Надеюсь, ты теперь-то выпиваешь,
Товарищ Минеральный Секретарь?»
(...)

Сознание у меня уже мутилось,
Но краем глаза я успел заметить,
Как Александр Яковлев скликал
Зондеркоманду из «интеллигентов»
И торопил: «Товарищи, пора
Нам вновь писать историю России;
Сегодня, наконец, из-за бугра
Мне привезли роскошную шпаргалку».
Зааплодировали Дмитрий Лихачёв,
Жозеф де Местр и Михаил Покровский;
Им Горький задницы умильно целовал.

(Из кн. «Почти всё», М., 2012 г., с. 221–222.)

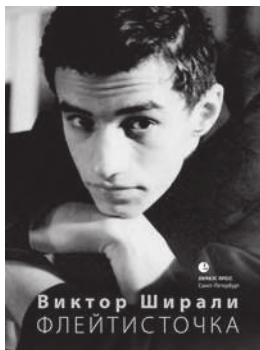
О творчестве Ю. Баранова можно писать много, он необычайно интересен и как прозаик, но в жанре поэта-публициста ему просто нет равных. Могут спросить, а как же Всеволод Емелин – острейший поэтический публицист нашего времени? Отвечаю: это как двуглавый орёл – символ нашей Державы значение и смысл передаются по преемственности. Можно ещё написать и о порозе Юрия Баранова, но она несколько слабее его стихотворных памфлетов и укладывается скорее в жанр социально-бытовой прозы.

Теперь из области поэтической публицистики перейдём к лирике.

Виктор Ширали и эротика

Представлять Виктора Ширали советским и постсоветским чи-

тателям не нужно: его все знают великолепно со времён Сайгона 70-х годов. И не только, конечно, как поэта, а как испытанного женолюба и ловеласа. Хотя поэту уже семьдесят лет, но это качество в его творчестве остаётся неизменным. Я не так давно уже писал о его книге избранных стихов «Избранные возлюбленные», в которой стихи были сгруппированы по именам его девяти «муз». Назовём их так. Этот сборник имел успех, разумеется, в узких кругах.

И вот теперь В. Ширали представляет читателю новую книгу «Флейтисточка» (СПб, 2016) – ассорти из новых и старых произведений.

Начнём с авторского предисловия: «Читать Экклезиаста надо в юности, “Песнь Песней” – в старости.

Я пропел свою, с чем и прихожу к вам. Виктор Ширали 2016 год».

Вот и пришёл к нам Виктор Ширали с его старческой «Песнью песен», подобно престарелому царю Соломону и, кстати, в его же возрасте.

Нужда задуматься о том, что смерть близка,
Сегодня вечером и через полстолетья.

Но жизнь моя не более, чем искра... (Стр. 7)

Царь Соломон, как известно, сочинил и Экклезиаст и знаменитую «Песнь песней».

Также и Виктор Ширали:

Я люблю,

И цветут поцелуи твои

Ладони моей посредине. (...)

Я люблю.

Я ласкал твою грудь.

И соски,

влажные, словно щенячьи носы,

Целовали ладонь мою. (Стр. 12)

Вновь и вновь возникают библейские аллюзии: «... два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями» («Песнь песней»).

Но Виктор Ширали многообразен. Судя по всему, в этой книге он подводит некоторые итоги своей поэтической деятельности. Поэтому наряду с библейскими ассоциациями и авангардными изысками прежних лет он включает в сборник и простые стихи, написанные в самой традиционной манере. Но посвящены они той же ключевой для поэта теме – теме любви. Чувствуется, как дорога автору героиня его послания:

Чернеют деревья, глаза мои осени.

Чернеют деревья, души осенний вид.

Чернеют деревья, дни певчие пропели,

И голубь на карниз осенним днём прибит.

Прости меня, моя весенняя невеста.

Как бы хотелось мне женой тебя назвать!
Но надо ли тебе в душе осенней место?
И стоит ли тебе женой осенней стать? (Стр. 127)

Это лирика уровня Боратынского, и тем удивительнее, что В. Ширали одновременно соединяет в своём творчестве и обращение к прежним мастерам поэзии, и внимание к современности:

У поэта трупный возраст тридцать семь... (Стр. 130).

Я не знаю, кто раньше это написал В. Высоцкий («С меня при цифре тридцать семь в момент слетает хмель // Вот и сейчас как холодом подуло // Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль, // И Маяковский лёг виском на дуло») или В. Ширали. Если Ширали подражает Высоцкому, то это некрасиво – надо хотя бы сослаться на первоисточник.

Но всё же главное в творчестве В. Ширали – это его любовная лирика, хотя подчас она бывает экстравагантной:

И когда я входил в тебя,
Как входит в шлюз
Большой корабль,
То есть впритирку,
Тщеславный образ... (...)

Можно жить уже и своею топкой,
И своими огнями,
Впрочем, я никогда не брал
Огня напрокат. (Стр. 142)

В этом весь Виктор Ширали – он входит в женщину, как большой корабль и не берёт огня напрокат, поскольку в его «топке» всегда горит божественная «искра».

Закончить эту рецензию всё-таки хочется новым обращением к библейским сюжетам, постоянной теме этого сборника:

Царь был прав, крутя колечко, –
Всё на крути как вода
Только Суламифь сердечко
Не вернётся никогда. (Стр. 158)

Конечно, поэт далеко не молод, но творческая божественная искра, о которой мы упомянули, его не оставляет.

Санкт-Петербург. Февраль 2017 года